10.01.2022 20:07:00

ЕСПЧ вступился за Конституционный суд

Для защиты прав обвиняемых законодательство России до сих пор не изменено

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: еспч, критика, рф, судебная практика, обвиняемые, правовая защита, семейная жизнь, следователи, злоупотребления

Страсбургский суд ничего не может поделать с российскими следователями. Фото Reuters

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в очередной раз раскритиковал Россию за судебную практику по произвольному ограничению права подозреваемых и обвиняемых на семейную жизнь. Законодательство, по сути дела, позволяет следователям использовать свидания с родственниками как средство для давления и выбивания из граждан признательных показаний. По словам экспертов, на это уже обращал внимание и Конституционный суд (КС) РФ, однако исправление законов все время откладывается якобы из-за отсутствия бюджетных ресурсов.

В постановлении по делу «Мухаметов и другие против РФ» ЕСПЧ указал на отсутствие в России «необходимых гарантий против злоупотреблений следователей», которые повсеместно и под формальными предлогами запрещают сидельцам в СИЗО увидеться с родственниками. Действующие нормы закона, считают в Страсбурге, «не определяют причины, по которым задержанным могут ограничивать свидания».

«Отказные решения» следователей ЕСПЧ признал «вмешательством в право на уважение семейной жизни». Отмечается, что российские законодатели не торопятся исполнять решение КС от 2020 года, требующее, чтобы отказы в посещениях родственников были как минимум мотивированными и подлежащими пересмотру. Одновременно ЕСПЧ посчитал неэффективной гл. 22 Кодекса административного судопроизводства (КАС) об обжаловании необоснованных решений и действий госорганов. Критике подверглась и ст. 18 закона о содержании под стражей, которая, как говорится в документе, предоставляет силовикам «неограниченные дискреционные полномочия без определения обстоятельств дела».

«Ст. 18 дает полную свободу следователю самостоятельно определять, в каких случаях запрещать подозреваемым и обвиняемым видеться с родственниками, а когда – нет», – подтвердил «НГ» адвокат Владимир Постанюк. На практике это может стать и становится одним из многочисленных способов давления, когда следователь «поощряет» заключенного под стражу свиданиями с семьей за «правильные показания», – посетовал эксперт.

В одном из своих прежних постановлений еще 2020 года ЕСПЧ уже высказывал мнение, что администрации исправительных учреждений должны способствовать поддержанию контактов между заключенными и их семьями. «Данный принцип тем более применяется к тем, кто еще не осужден и априори считается невиновным, лишь за исключением случаев, когда интересы следствия требуют другого подхода и только в той мере, в какой они этого требуют», – подчеркнули тогда в ЕСПЧ. Однако де-факто, заметил Постанюк, выходит наоборот: осужденные вправе встречаться с родственниками без какого-то специального разрешения, но те, чью вину только предстоит доказать, вынуждены просить позволения следователя и надеяться на его благосклонность.

Содержание под стражей и сопутствующие этому запреты традиционно используются как средство сделать обвиняемого или подозреваемого более «покладистым», для выбивания из человека признания вины, сказал «НГ» федеральный судья в отставке Сергей Пашин. Право на контакт с внешним миром, продолжил он, действительно не признано нашим законодательством, «и это серьезное обстоятельство, которое делает процесс несправедливым». Де-юре выходит, что только у следователей и судей есть полное право предоставить человеку свидание с родней – и они распоряжаются им на свое усмотрение. Пашин согласен, что давно пора прописать в законе, что именно арестант имеет право на свидание, которое можно ограничить лишь мотивированным постановлением. Но он напомнил, что власти не готовы к этому даже не столько морально, сколько материально: «Более 20 лет Минюст командует следственными изоляторами, но до сих пор там не обеспечен нормальный доступ адвокатам к обвиняемым и подозреваемым. Не секрет, что защитники вынуждены занимать очередь с 5 утра, чтобы попасть к доверителю. А свидания с родственниками – это дополнительная и довольно существенная нагрузка на систему». Ведомство не создало никаких материально-технических предпосылок для соответствующих законодательных изменений. Так что, по сути дела, речь в очередной раз идет об игнорировании системой принципа гуманизма, подчеркнул Пашин.

ЕСПЧ в очередной раз указал на отсутствие в законах РФ эффективных мер правовой защиты фигурантов уголовных дел, подтвердил «НГ» вице-президент Ассоциации юристов по регистрации, ликвидации, банкротству и судебному представительству Владимир Кузнецов. Например, параллельно в Страсбурге вышло еще одно постановление – о невозможности обжалования судебных актов об отказе в изменении меры пресечения в связи с возникновением ряда обстоятельств. ЕСПЧ поднял вопрос о необходимости введения в РФ такого эффективного способа защиты права, как апелляционное обжалование промежуточного ходатайства лица об освобождении. В случае самого конкретного иска в ЕСПЧ, по которому теперь есть решение, российские суды не захотели рассмотреть апелляционные жалобы заявителя на отказы в ходатайствах об освобождении из-под стражи после признания в 2016 году самим же ЕСПЧ нарушений его прав в результате чрезмерного срока предварительного заключения. С позиции Страстбурга, пояснил Кузнецов, законодательное регулирование РФ не является достаточно четким – и невозможность обжалования отдельных актов, принимаемых следователем либо судом по уголовным делам, нарушает права заключенных. Кроме того, в каждом из этих рассмотренных дел поднимался вопрос о нарушении разумного срока содержания под стражей.

«Оба дела схожи еще и тем, что на уровне РФ имеются постановления КС, которые разъясняют нормы УПК в соответствующих частях, а также иные решения ЕСПЧ. Но судебная практика не воспринимает их должным образом. А значит, требуются соответствующие изменения в сам закон», – считает Кузнецов. Еще одна проблема – это отсутствие возможности обжаловать акты следователей об отказе в предоставлении лицам, находящимся в СИЗО, свиданий с родственниками и судебных постановлений об отказе в изменении меры пресечения. «Ввиду достаточно широкого толкования норм закона это дает возможность оказывать на человека психологическое давление, лишая его возможности общаться с родными и необоснованно продлевать содержание его под стражей», – подчеркнул эксперт. Но несмотря на то, что оба решения являются прецедентными, сказал он, и даже учитывая неоднократность рассмотрения в ЕСПЧ данных вопросов, все равно рассчитывать на скорейшее изменение в законодательстве не приходится. Рациональные аргументы о наличии прецедентной практики на уровне как национальных судов, так и международных судебных органов не достигают цели. По словам Кузнецова, отдельные примеры признания длительного содержания лица под стражей необоснованными есть и в практике Верховного суда. Но опять же, к сожалению, «ни это обстоятельство, ни вышеуказанные так и не подвигли законодателя внести ясность как в УПК, так и в иные соответствующие законы».

Как отметил в разговоре с «НГ» адвокат Алексей Гавришев, очевидно, что «несовершенство российской исправительной системы с каждым годом обрастает все более явными признаками». В России еще на стадии предварительного следствия граждане лишаются целого спектра конституционных прав: не могут видеться и общаться со своими родными, они лишены доступа к информационным технологиям. И нередко, как показали последние события, они лишены прав на личную неприкосновенность, защиту своей чести и достоинства, а иногда и права на жизнь. «Очевидно, что насильственные действия в отношении заключенных являются чем-то из ряда вон выходящим. Но лишение возможности общения с близкими касается всех заключенных без исключения. Это приводит к тому, что лица, вышедшие на свободу, не могут социализироваться в дальнейшем в обществе», – заявил Гавришев. Сам он уверен, что в нынешних реалиях требуется не смена руководства ФСИН России, а масштабная реформа ведомства по примеру европейских стран. «Увы, я более чем уверен, что выявленные ЕСПЧ нарушения и вынесенные по ним решения никак не изменят действующую практику», – констатировал эксперт.